Убийца монстров.

Это было прозвище, которое он получил в день своего вознесения, его рано или поздно получали большинство культиваторов в Героическом Царстве. Естественное следствие той жизни, которую они вели. Он гордился этим, так же, как и его жена, и их спутники. Жизнь героя была сопряжена с опасностями, как внутренними, так и внешними, но именно это и делало её столь стоящей.

Было важно праздновать успех. В конце концов, монстры не всегда проигрывали. Он сам видел такую реальность. Он жил в ней с самого детства.

Были такие монстры, которых не могли убить даже герои.

Дэймон Этос стоял в зияющем проходе в свой кабинет. Его дверь была выбита с петель. Эхо конфликта, произошедшего в холле, пронеслось через открытую дверь, полностью разбив обеденный диван и стол. Содержимое настенных резных полок было разбросано по комнате – некоторые из них снесло с террасы в центральный павильон снаружи.

Тиран Розовой Зари вошёл в свой кабинет и поправил стол. Его отбросило к задней стене, но, в отличие от остальной мебели, он выдержал удар. Не имея подходящего стула, он прислонился к нему спиной, скрестив руки.

— Войдите.

Нико вошёл в разрушенный кабинет вместе со своей невестой, поддерживая её рукой. Она была напряжена, и это было понятно. Обряд посвящения был интересным опытом, даже для культиватора её уровня, а тайна в основании восточного горного хребта озадачивала разум, независимо от того, где ты находился среди неба и земли. Нико задавался вопросом, когда они спускались, будет ли всё по-другому теперь, когда он достиг того же царства, что и его тёти и дяди, будет ли больше ясности. Но нет. Всё было точно так же.

А потом они вышли из горы, оправляясь от тайны разрезанного трупа павшего бога солнца, и обнаружили, что культ находится в хаосе. Нетрудно было догадаться, кто за этим стоит.

У Нико свело живот, когда его кузены, словно побитые собаки, вошли в офис. У них также были метки, соответствующие их позе. Синяки, разбитые губы и опухшие глаза были обильны. Вся правая сторона лица Херона уже потемнела, превратившись в уродливый фиолетовый синяк, оставшийся от жестокой пощёчины. Левый глаз бедняжки Рены был настолько опухшим, что почти не открывался. Кастор осторожно придерживал сломанное запястье, а Мирон ходил с заметной хромотой.

Хуже всех пришлось Лидии. Она ушла с наименьшими физическими повреждениями, но выражение её лица было мёртвым. Она выглядела совершенно потерянной. Когда все пятеро опустились на колени перед кириосом, она была единственной, кто не смотрел стыдливо в пол. Она смотрела прямо перед собой.

— Что здесь произошло? — спросил Дэймон. Его голос был ровным. Ифис тихо вдохнула, циркулируя её пневму. Нико покачал головой. Она взглянула на него, колеблясь, но отпустила её.

Если бы всё дошло до этого, это всё равно не имело бы значения.

— Я видел, как Лио вышел из павильона, — сказал Мирон. Трое других кузенов, внимавших

разговору, заметно расслабились. — Он вёл себя странно с тех пор как Нико приехал, так что я проследил за ним. Он пошёл искать Сола…

— Сола? — перебил Дэймон. Мирон сглотнул.

— Раб, дядя. Тот, которого Лио спонсировал для инициации.

— Почему ты знаешь этого раба по имени? — спросил Дэймон.

— Мы проводили время вместе, втроём, — признался Мирон.

— И почему ты проводил время с рабом? — Вопрос был задан без особой интонации. Тем не менее, ужас, который он вызвал, был ощутимым. Херон стиснул зубы, борясь с собой, но его опередили, прежде чем он успел высказаться в защиту младшего брата.

Самим Мироном: «Он опытный, дядя. Я пытался устроить ему засаду, когда мы впервые встретились, но не смог тронуть его, даже когда он был в цепях. Он тоже мудр. Он и Лио помогли мне пройти через моё узкое место летом. И… Лио вёл себя, так же как и раньше, когда он был с Солом. Это было весело».

Уже не в первый раз после возвращения домой Нико восхитился тем, каким мальчиком стал его младший кузен всего за несколько лет. Ему было всего девять лет, а уже справляется с такими трудностями, которые не под силу его старшим кузенам. Он рос с огромной скоростью, и было ясно, что это не ударило ему в голову. Хотя, возможно, в этом была замешана и другая рука.

— Понятно, — сказал Дэймон. Его племянники и племянницы нервно ждали. — Продолжай.

Мирон выдохнул: «Он отправился на поиски Сола. Когда он нашёл его, он разбил его оковы. Я спросил, что они делают, и он сказал…»

— Олимпия, — пробормотала Лидия. — Он сказал, что идёт в Олимпию.

Мирон жалобно кивнул: «Я должен был попытаться уговорить его, хотя бы потянуть время до окончания обряда, но я запаниковал. Я пошёл и нашёл Лидию, а потом мы разделились, чтобы найти остальных. Я нашёл Кастора и Рену, а она пошла за Хероном. К тому времени, когда мы снова объединились, они уже добрались сюда».

— Значит, вы пытались бороться с ним, — констатировал Дэймон. Кивки. Он хмыкнул. — Старейшины, на минутку.

Пять заслуженных философов Розовой Зари вошли в кабинет кириоса с тем немногим достоинством, на которое были способны. При всём том, что они превосходили кузенов Нико по уровню культивации, во время побега они пострадали гораздо сильнее. У троих из них, философы, которых Нико не знал лично до своего ухода из культа, кожа стала красной от полученных повреждений. У четвёртого была сломана челюсть. Это был молодой человек, которого Нико смутно помнил как своего старшего ещё в бытность мистиком. Это был Димус? Или может быть, Поллио?

Пятым философом был человек, которого Нико знал слишком хорошо. Старый злобный Черсис. Печально известный угрюмый наставник, от которого в то или иное время страдал каждый молодой столп Розовой Зари. Нико был первым, кто получил его мудрость, и это не было

приятным опытом для них обоих. Перед его уходом Лио и Лидия только начали свои занятия со старым философом.

Он полагал, что сломанный нос довольно точно подытожил мнение Лио о его наставнике.

— Кто это с тобой сделал? — спросил Дэймон у мудрецов культа.

Нико любил думать о себе как о добродетельном человеке, по крайней мере, в хорошие дни, а день его свадьбы был лучше, чем большинство. И всё же немалая часть его души наслаждалась каждым мгновением, когда старый Черсис пытался объяснить, как маленький лев Розовой Зари избил его не один, а два раза в течение часа. В этом также была и некоторая гордость. Это было сложное чувство.

Когда все участники рассказали свою историю, Дэймон закрыл глаза в молчаливом раздумье. Прошли напряжённые мгновения. Он вздохнул.

— В общем, мой сын победил пятерых из вас в одиночку и без оружия, одновременно, — сказал он, обращаясь к детям. — Затем, — продолжил он, — он превратил в посмешище старейшин, которых этот культ так высоко ценит, и которых осыпают ресурсами и славой в обмен на их компетентность и мудрость. Не раз. Но два раза.

— Лорд Дэймон, — запротестовал Черсис. — Я не ожидал, что он сделает что-то настолько...

— Смелое, — предложил Нико. Его старый наставник резко посмотрел на него.

— Дерзкое. Я не ожидал, что сын кириоса так нагло набросится на своего собственного наставника. Во второй раз он был не один.

— Ах, да, — сказал Дэймон. — У него был раб.

— Он не был обычным рабом, лорд Дэймон, — настаивал один из ужасно ушибленных философов. — Его пневма была, по крайней мере, в Софическом Царстве, и его добродетель была невероятно мощной...

— Мощной?

Ах, а вот и оно.

Кулак тирана.

Нико крепко прижал к себе свою невесту, чтобы она не рухнула на колени под тяжестью пневмы Дэймона Этоса. Она потянулась назад и крепко схватила его за руку. Её глаза были широко раскрыты и полны устремлённости, как и всегда перед боем, но её рука в хватке побелела от паники. Ифис была достаточно сильна, чтобы понять, насколько далеко за пределами их возможностей находится кириос культа Розовой Зари. Это было слишком знакомое чувство для Нико.

— Добродетель раба была слишком мощной для тебя, — повторил Дэймон. — А эти синяки, они тоже его рук дело? Он сделал это с тобой своим копьём?

— Нет, лорд Дэймон, — сквозь скрежет зубов сказал несчастный философ. Его голова склонилась перед давлением кириоса так же уверенно, как заходит солнце.

— Тогда кто же?

— Молодой Аристократ, — выдохнул Старый Черсис. — Это было их совместное нападение.

— Думаю, я услышал достаточно оправданий, — тихо сказал Дэймон. Философы закрыли рты и ждали приговора, и в этот момент они мало чем отличались от детей, стоящих на коленях на полу. — Возвращайтесь в свои поместья. Не покидайте их ни по какой причине, пока я сам не приду за вами. И, если пожелаете, воспользуйтесь этим временем, чтобы обдумать события сегодняшней ночи.

Его улыбка была лезвием палача: «Возможно, это будет мудро».

Философы покинули комнату, и тиран снова разжал кулак. Нико медленно вдохнул, удивляясь внезапному отсутствию давления. Сколько времени прошло с тех пор, когда одно лишь присутствие культиватора загоняло его душу в такой угол? Сколько времени прошло с тех пор как что-либо, будь то монстр или человек, внушало ему такой непоколебимый страх?

С тех пор как он впервые поднялся в Героическое Царство, Нико ходил по стеклу. Он всё ещё привыкал к изменениям в своей трёхсторонней душе, всё ещё волновался, даже когда общался со своими кузенами, которые все были глубоко в Гражданском Царстве. Они все чувствовались как маленькие птички в его руках. Он не мог доверить себе, даже дразнить их как раньше, не говоря уже о настоящем спарринге. Он стал слишком сильным за слишком короткое время.

Это то, как чувствует себя тиран, глядя на героя? В какой момент весь мир начинает казаться сделанным из стекла?

— Николас. — Нико выпрямился. В глазах его дяди что-то было. — Мне жаль. Он взял меч твоего отца. — Ифис оглянулась на него, обеспокоенная. Она знала эту историю, конечно. Он рассказал ей.

— Понятно, — прохрипел он.

— Это дерзкий ребёнок, — раздался голос из коридора. В кабинет вошли орлы-близнецы Розовой Зари и их жёны. Тётушки Нико сразу же подошли к своим детям, подняли их лица и проверили, нет ли на них серьёзных или обезображивающих ран. Ставрос Этос положил руку на голову Херона, выражение его лица было грозовым, когда он встретился взглядом со своим братом. — Мы предупреждали тебя годами. Годами, Дэймон! Сколько раз этот мальчишка плевал на имя Розовой Зари, пока ты сидел и с нежностью наблюдал за ним? Сколько раз он уклонялся от своих обязанностей наследника? И теперь это?

Глаза Дэймона сузились: «Ты хочешь сделать это сейчас?»

— Он взял клинок Искандера. — Фотиос Этос стоял рядом с братом, дрожа от гнева. — Он избил наших детей как собак и бросил мою дочь за три месяца до их свадьбы! Мы делаем это сейчас!

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Я хочу, чтобы ты от него отрёкся! — огрызнулся Фотиос. Нико никогда не видел его в такой ярости. Наблюдая за тем, как тётя Хриза пытается утешить Лидию, всё ещё скорчившуюся на

мраморном полу, он не мог винить его.

— Никогда, — сразу же сказал Дэймон. Выражение лица Фотиоса потемнело, и Нико подумал, не в этот ли день он увидит тирана в бою. Но Ставрос положил руку на плечо брата, остановив его прежде, чем он успел сказать то, что не сможет взять назад.

— Значит, лиши его наследства, — сказал Ставрос. Когда Дэймон не ответил сразу, он продолжил. — Посмотри на наших детей, брат. Посмотри, что твой сын дал им в ответ на их любовь. Руки кириоса не оставляют таких следов. Это не справедливость.

Дэймон долго смотрел на своего младшего брата.

— Хриза. Раиса. Заберите детей, пожалуйста.

Тётушки Нико с беспокойством смотрели то на своих мужей, то на зятя, но, в конце концов, подчинились. Нико прошептал заверения своим кузенам, когда они проходили мимо, сжал плечо Рены и быстро обнял Кастора одной рукой. Потом остались только столбы и они. Нико решил, что это на двоих слишком много, и тихонько подтолкнул Ифис к двери.

— Останься.

Он оглянулся, в его нутре застыло смятение и ужас: «Дядя?»

— Мои братья потребовали, чтобы мы сделали это сейчас, так что это мы и сделаем. — Сказал Дэймон. А затем, просто, словно наблюдая за погодой, он заявил. — С этого момента мой сын лишён наследства. У меня нет других детей, поэтому бремя кириоса ложится на плечи следующего лучшего кандидата среди моих племянников и племянниц.

Ужас нарастал.

— Какое отношение это имеет ко мне? — спросил Нико, хотя он уже знал.

Дэймон слабо улыбнулся: «Поздравляю, племянник».

Нико посмотрел на двух других своих дядь в поисках помощи. У обоих были сыновья, конечно, они бы предпочли, чтобы один из них взял на себя эту роль? Но нет, в то время как Ставрос и Фотиос свирепо хмурились, глядя на вопиющее пренебрежение, встретив его взгляд, они лишь кивнули в знак согласия. Нет, нет, нет. Он не хотел их благословение! Он не хотел этого!

В этот момент он прекрасно понял, что чувствовал его маленький кузен. И он решил, что поступит точно так же. Как только его дяди войдут в их уединённое культивирование, он прыгнет на свой корабль и уплывёт далеко-далеко…

— Нико! — крикнул Филон, его голос донёсся снаружи. Самый быстрый из их спутников вскочил на ноги и пролез через зияющую дыру в восточной стене поместья Этосов, в мгновение ока проскользнув по коридору и грубо зацепившись за дверную раму. Он тяжело дышал, его глаза были дикими. Героический культиватор протянул ему обрывок верёвки.

— Они забрали Эос.

Сукин сын.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3155278